

Глава 27: Ярость Чжан Сунь

Чжэньцзи проиграл, они не только потеряли 20 000 боевых лошадей, они потеряли способность вести эффективную войну в течение следующих 10 лет,

С черно-белым документом и печатью монарха Чжэньцзи, чтобы подтвердить соглашение, не было никакого способа Чжэньцзи избежать этого.

Что еще более важно, Великая Ся по-прежнему была самой сильной империей в этом мире. С высоким уровнем морали на их стороне любая попытка отказаться от этой сделки будет означать немедленную встречу с сильной двухсот тысячной армией черного пера Маркиза Буи. К тому времени их миссия была бы не просто защитной.

Все, что осталось для чиновников Великой Ся, заключалось в том, чтобы сгладить детали. С военными маркизами, размещенными за пределами столицы, все, кто оставался в Имперском городе, были в основном административными чиновниками и чиновниками-конфуцианцами. Несмотря на это, их было более чем достаточно, чтобы справиться с таким делом.

Выполнив свою часть сделки, все, что он должен был делать сейчас, это культивировать, спокойно ожидая указ императора.

Наконец, на третий день указ императора Ся был передан. По императорскому указу дочь принца Хуа, Ся Мяоюй, должна была называться принцессой Мяоюй и быть отправлена в Чжэньцзи. В списке имен свадебной свиты было имя Нин Ченя.

Чжан Сунь и Цин Нин были ошеломлены указом Императора, особенно Чжан Сунь, которая, будучи потрясенной, была в ярости!

Будучи во дворце так долго, она, естественно, могла угадать скрытую работу за такой номинацией. Его имя, очевидно, было добавлено в качестве последнего решения и не имело никакого отношения к свите в целом. Тот факт, что его имя было добавлено, означало, что кто-то попросил Императора Ся сделать это.

Во всем дворце единственный человек, с которым Нин Чень мог войти в контакт и который мог повлиять на Императора, был Девятой Принцессой.

«Очень хорошо, очень хорошо!»

Когда она стояла в главном зале дворца Вэйянь, она заорала, ее лицо стало значительно темнее, чем минуту назад: «Слуги, приведите мне Нин Ченя».

«Я схожу вместо них». Цин Нин умоляла, явно беспокоясь о том, как развивается ситуация.

«Оставайся на месте». В ее гневе даже тон, которым она говорила с Цин Нин, был заметно более суровым. Она знала, что у Цин Нин были очень хорошие отношения с Нин Ченем, и поэтому это было еще большим основанием, чтобы не отпускать ее.

Не прошло много времени прежде чем фигура Нин Ченя медленно вошла в комнату, его лицо было спокойным, лишенным обычной застенчивости или каких-либо следов страха.

"Ваше Величество."

Он опустился на колени и поклонился в первый раз.

Увидев его, ее гнев стал еще сильнее. Она ударила кулаком по столу, когда она сказала: «Ты действительно так сильно хочешь уйти?»

Он поднял голову и спокойно ответил: «Моя Королева, как вы знаете, моя личность просто не подходит для дворца, пока я остаюсь здесь, это будет только вопрос времени, прежде чем я попаду в серьезные неприятности».

«Эта королева - единственная королева Великой Ся, ты говоришь, что я даже не могу защитить тебя! Чего ты боишься на самом деле!» Когда она заговорила, ее гнев стал еще больше. Она не хотела ничего, кроме того, чтобы эта чашка чая была брошена ему на лицо.

«Боюсь, что в один прекрасный день, когда я причиню серьезную проблему, первым, кто пойдет за моей головой, станет ваше величество». Он тихо вздохнул.

*бэнг * Она дошла до предела и швырнула чашку в него. Чаша разбилась об его лоб с громким треском, осыпая его кусочками среди потока крови.

«Ты сильно меня разочаровал».

Она сказала это очень расстроенным тоном, когда она закрыла глаза. Его отказ опустить голову даже сейчас сильно разочаровал ее.

«Объявление девятой принцессы».

Именно в этот момент вошла Ся Яньйюй. Когда она вошла в зал, ее глаза широко распахнулись на месте перед ней. (Девятая принцесса вместо Ся Синьюй стала Ся Яньйюй)

Она знала, что ее Королевская Мать будет злиться, но она не ожидала, что ее гнев будет таким прекрасным.

«На колени!»

Она жестко приказала, когда ее веки распахнулись, обнажив резкий взгляд на Ся Яньюй.

Цвет слегка сошел с ее лица, когда она услышала слова на колени. Это был первый раз, когда она когда-либо видела свою королевскую мать такой злой.

Внутри дворца каждый носил собственную маску, редко демонстрируя свои истинные мысли. Текущее выражение ее королевской матери явно было яростью.

«Как ты смеешь, ведь все эти годы эта королевская мама тебя воспитывала, ты действительно смела прикидываться против этой королевской мамы».

Ее гнев бушевал, когда она впивалась взглядом в Ся Яньюй. На этот раз все ее подчиненные действительно сделали это!

Разозлившись до крайности, ее ярость стала трансформироваться в ненависть. Ненависть к двум сторонам. Одной стороной была она, а другой были они. Она ненавидела их за то, что они были настолько разочаровывающими, но даже более того, она ненавидела себя за то, что ее оставили в неведении.

Однако, что сделано, то сделано. Указ императора был передан. Даже если бы она теперь высказалась, императору не удастся отменить свой указ. Слова монарха никогда не должны восприниматься легкомысленно и определенно не должны меняться из-за чужих прихотей.

Свита, должна была уйти в конце месяца, осталось меньше 20 дней, что означало, что у Нин Ченя осталось меньше 20 дней во дворце.

Волна усталости прошла через ее сердце, когда она потеряла желание заниматься этим делом. Она махнула рукой и сказала: «Поскольку ты так сильно хочешь помочь, его оставшаяся часть пяти месячного заключения будешь отбывать ты. Ты можешь уйти.

«Королевская Мама», - испуганно пробормотала она.

«Уходи!» - резко крикнула Чжан Сунь, когда она ударила по столу.

«Да ...» Ся Яньюй неохотно попрощалась и ушла с поворотом своего тела.

На этот раз она просчиталась.

С уходом Ся Яньюй, теперь остался только один человек, стоявший на коленях. Цин Нин стояла рядом, молча, не осмеливаясь умолять за Нин Ченя. Она знала, что ее Величество очень разочарована, даже сама она не могла понять его действия.

Даже если он хотел покинуть дворец, ему нужно было только спросить. Учитывая ее доброжелательность к нему, она в конечном счете смягчилась бы. Ему просто не нужно было так поспешно покидать дворец.

Когда она посмотрела на кровь, стекающую по лицу коленопреклоненного евнуха, воспоминания о его побегах вспыхнули у нее в голове. Она подавила гнев в своем сердце и сказала: «Эта императрица даст тебе последний шанс, если ты согласишься признать свою ошибку и послушно вернешься после сопровождения принцессы, эта императрица будет считать, что этого инцидента никогда не было».

Нин Чень глубоко вздохнул, все еще не говоря ни слова. Учитывая, как все произошло, как он мог вернуться назад.

Если он не хочет умереть во дворце, он должен как можно скорее покинуть это место.

К сожалению, у него не было возможности сообщить об этом Чжан Сунь, и он мог только молчать.

"Хорошо очень хорошо!"

Она сердито поднялась на ноги и вышла из зала.

Цин Нин посмотрела на него со смешанными чувствами, прежде чем уйти, не говоря ни слова.

Итак, Нин Чень продолжал стоять на коленях, молча, его сердце раздиралось виной и печалью.

Прошло время, и сияющее дневное солнце вскоре уступило место безмятежности ночной луны. В спальне Чжан Сунь и в главном зале лампы горели так же ярко, как и днем, освещая на стоящий на коленях силуэт на полу.

Дворцовые горничные приходили несколько раз в течение дня, чтобы сменить лампы. Никто из них не осмелился задержаться, чтобы они не столкнулись с гневом Чжан Сунь.

Дело не в том, что он не хотел признавать свою ошибку, а скорее потому, что не мог, он просто не мог вернуться после выхода из дворца. Он мог лгать всему миру, но Чжан Сунь была тем человеком, которому он не хотел лгать.

На заднем дворе Цин Нин вздохнула, когда она молча стояла в своей комнате, глядя на освещенные лампы вдаль. На данный момент ее сердце было в беспорядке от эмоций. Была ли это Чжан Сунь или Нин Чень, она знала, что оба они были упрямыми людьми. На этот раз поворота назад не было.

Она не понимала, почему Нин Ченю пришлось выбрать этот путь.

Однако не только она, кто был в таком замешательстве. Даже Чжан Сунь не могла понять, что аргументирует его действия. Не так давно он вошел во дворец, он был человеком, которого легко прочесть. Умный, высокомерный и человек, который с признательностью возвращал доброту. Хотя иногда он был до глупости упрям.

Именно это, то, что заставило его хотеть покинуть дворец таким способом.

Время шло, Чжан Сунь и Цин Нин так и не смогли уснуть ни на миг. Всю ночь Нин Чень поддерживал свою решительную позицию, когда он молча стоял на коленях. Те, кто были в неведении, остались в неведении до конца, в то время как те, кто знал, просто не могли говорить.

Солнце снова поднялось, и Чжан Сунь занималась другими вопросами. Когда она проходила мимо главного зала с Цин Нин позади, она, казалось, сделала паузу на мгновение, но тут же передумала и продолжила свой путь.

Слухам не понадобилось много времени, чтобы инцидент прошлой ночи вышел за пределы Дворца Вэйянь. На следующий день весь дворец знал, что императрица была в ярости из-за какого-то юного евнуха и что он даже провел ночь на коленях в главном зале. Однако никто не знал причины ее гнева.

Другим примечательным вопросом, от которого поднимались брови, был слух о том, что невеста в этом браке фактически не была выбрана Императором Ся, а вместо этого вызвалась на это. Несмотря на все его усилия, принц Хуа в конечном итоге уступил желаниям своей дочери.

С ее назначением принцессой этот брак был в основном высечен в камне и должен был проводиться в соответствии с обычаями королевского брака. Будучи императрицей Великой Ся, Чжан Сунь была также Главой Императорского Гарема и, таким образом, должна была лично следить за подготовкой. В этом вопросе, занимающем большинство ее внимания, у нее не было свободного времени на другие вопросы.

Итак, члены дворца постепенно забывали о Нин Чене стоящем на коленях. Время от времени они вздыхали и плакали о судьбе такого талантливого юного евнуха.

Говорили, что императорская семья беспощадна, и лучшего примера здесь не было; независимо от того, насколько вы талантливы, единственная ошибка - все, что вам нужно, чтобы камнем упасть на дно.

Через три дня неумолимый евнух, наконец, рухнул. Услышав это, руки Чжан Сунь дрожали, но ее лицо сохраняло обычное спокойствие. Она просто сказала, чтобы «позаботились о нем», прежде чем отложить этот вопрос еще раз.

С того дня, независимо от того, куда она пошла или насколько она занята, она не позволяла Цин Нин последовать за ней.

Его бессознательное состояние не продлилось долго, как он снова проснулся. Пополнив питательные вещества и приняв некоторые лекарства, его состояние в основном стабилизировалось. Тем не менее, его лицо все еще сохраняло бледность и небольшое обезвоживание.

Придя вскоре после того, как он проснулся, его изможденный вид не ускользнул от Цин Нин, когда на ее лице мелькнуло беспокойство. Она слегка упрекнула его: «Неужели это стоит всех этих страданий?»

Нин Чень слабо улыбнулся и сказал одинаково слабым голосом: «Ситуация диктует, что я должен это сделать. Я сожалею об этом."

«Человек, перед которым ты должен извиняться, это Ее Величество ...»

«Ах». Он покачал головой, когда сделал страдальческую улыбку.

Увидев это, она знала, что больше нечего сказать. «Неужели ты действительно уходишь?» Спросила она с легким вздохом.

«Определенно!» Он кивнул.

Это был последний шанс для него сделать это. Если он не ошибается, после того, как вопрос о браке будет урегулирован, последняя партия евнухов, включая его, определенно должна будет пройти еще один раунд проверки.

К тому времени никто не сможет его спасти. Репутация Чжан Сунь может даже омрачить процесс.

Два дня спустя его тело в основном выздоровело. Увидев это, Цин Нин воспользовалась возможностью, чтобы покинуть дворец. По ее возвращении она принесла с собой странную траву, которая издавала слабую холодную ауру, когда она открыла коробку.

«Проглоти это», - сказала она серьезным тоном.

Услышав это, он проглотил траву, без всяких подозрений. Когда она скользнула по его горлу, он был поражен подавляющим вкусом горечи, сопровождаемым всеохватывающим холодом, который пронизывал каждый угол его тела.

"Что это было?"

«Божественная Ледяная Трава», ответила она спокойно. «Истинная Ци в твоём теле принадлежит к холодному элементу и должна извлечь выгоду из этой травы и закалить твою основу. Ты должен заметить увеличенную скорость культивирования в своих будущих

тренировках».

Нин Чень понял только половину то, что она сказала, и, таким образом, направился на те части, которые он действительно понимал. «Это было дорого? »

«Это не стоило ни таэля», - ответила она мягко.

Это не стоило каких-либо таэлей, но это, безусловно, стоило ей нефритов духа, однако Нин Ченю не нужно было знать об этом факте.

«С сегодняшнего дня я научу тебя некоторым техникам тела. Лучше будь готов к этому.

Когда она это сказала, она обернулась и подошла к дверям. "Следуй за мной."

Он послушно последовал за ней на задний двор, где его встретил вид танцующих цветочных лепестков, когда осенний ветер октября пронесся через цветник.

"Смотри внимательно."

В тот момент, когда эти слова покинули ее рот, ее тело мерцало, пока оно качалось, как маленькая лодка в океане цветочных лепестков. Даже когда она изящно танцевала на ветру, ни один лепесток не упал на ее тело.

Нин Чень стоял, наблюдая, широко открыв глаза и рот. Насколько подавляющей была эта девушка? Их возраст был не настолько разным, поэтому почему между ними был такой разрыв?

Минуту спустя Цин Нин остановила шаги и повернулась к Нин Ченю.

«Тебе удалось заметить все движения ног?»

Он яростно покачал головой. Как будто он мог ...

«Сколько ты смог?» Спросила она, не обращая внимания на его ответ.

"Ах ах."

Он почесал голову, слегка смутившись, когда он сделал пару шагов вперед и нарисовал гигантский круг на земле.

«Только этот шаг».

«...»

Ее лицо осунулось немедленно, когда она решительно сдержалась, чтобы не избить его. Это было то место, где она начинала!

Она шагнула вперед и пнула его правой ногой, отбросив прочь и ругала его: «Стой здесь на одной ноге. Лучше, что бы я не увидела, что ты меняешь ноги эти два часа.

Он резко вдохнул, когда его рот стал напряженным от боли. Однако он не осмелился вскрикнуть от боли и просто последовал ее указанию встать на левую ногу, хотя дрожал.

Через минуту он почувствовал, что его левая нога начинает неметь, а качание начинает усиливаться.

Однако, с испепеляющим взглядом Цин Нин на него, он не решался переключиться на правую ногу. Он стиснул зубы и послушно продолжил.

Через две минуты он почти потерял все чувства в левой ноге, за исключением колен, которые горели от боли. Его травма от стояния на коленях не полностью восстановилась и теперь решила напомнить о своем существовании.

Она смотрела равнодушно со стороны, когда он изо всех сил пытался справиться с онемением и болью. Она с первого взгляда могла сказать, что травма колена не была хронической. Кроме того, даже если это было болезненно, он был тем, кто навлек это на себя.

<http://tl.rulate.ru/book/7699/189188>